

A movie poster featuring a man in a dark blue Soviet military uniform. He is looking off to the side with a serious expression. The background is a dark, smoky city street at night, with a church spire and a building visible. A biplane is flying in the sky. The man is holding a glowing document in his hands.

Вячеслав Гот

Попаданец.
Агент Абвера

18+

Вячеслав Гот

Попаданец. Агент Абвера

<https://litres.ru/73543201>

SelfPub; 2026

Аннотация

1941 год.

Европа уже горит в огне Второй мировой войны.

Он погиб в своём времени

и очнулся в чужом теле.

В форме офицера немецкой разведки Абвер.

Теперь он служит рейху.

У него кабинет в Берлине.

Доступ к секретным операциям.

И приказы, которые приближают катастрофу.

Но он знает правду.

Через несколько недель начнётся операция Операция Барбаросса.

Миллионы погибнут.

Города будут стерты с лица земли.

Он единственный, кто может это изменить.

Чтобы остановить войну, ему придётся стать идеальным офицером рейха.

Обмануть собственную разведку.

Передавать секреты врага в Москву.

И выжить среди тех, кто ищет предателей.
В Берлине начинается невидимая война разведок.
Одна ошибка и его ждёт подвал гестапо.
Но если он победит
История этой войны будет написана иначе.

Содержание

Пролог. Последний рассвет в ХХІ веке	5
Глава 1. Пробуждение в форме врага	9
Глава 2. Документы на имя гауптмана	15
Глава 3. Кабинет 304 на Бендлерштрассе	23
Глава 4. Призрак адмирала Канариса	30
Глава 5. Первый допрос: проверка на вшивость	38
Глава 6. Календарь на стене: май 1941-го	46
Глава 7. Тени прошлого	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вячеслав Гот

Попаданец. Агент Абвера

Пролог. Последний рассвет в ХХІ веке

Москва. Июнь 2024 года.

Дождь барабанил по стеклу небоскреба, превращая огни города в размытые цветные пятна. Внутри было тихо. Слишком тихо для человека, который только что понял, насколько хрупка его жизнь.

Алексей смотрел на экран монитора. Строки архивных документов, рассекреченные лишь недавно, плясали перед глазами. Цифры. Потери. Даты. 22 июня 1941 года.

Он не был военным. Не был разведчиком. Всего лишь историк-архивист, посвятивший десять лет изучению той войны. Он знал цену каждой операции, каждого провала, каждой жизни, брошенной на алтарь амбиций. Он знал, где были предатели, и где – герои. Но знание не давало силы. Оно лишь давило грузом бессилия.

– Если бы можно было хоть что-то изменить... – прошептал он в пустоту кабинета.

Голос прозвучал хрипло. За окном грянул гром, и свет на

мгновение погас. В темноте Алексей почувствовал странный укол в груди. Не боль, скорее внезапную пустоту, будто кто-то выдернул пробку из переполненной ванны.

Он попытался вдохнуть, но воздух стал вязким, как смола. Рука соскользнула со стола, сбив чашку с холодным кофе. Фарфор звякнул о пол, но звук этот донесся словно издалека, сквозь толщу воды.

«Инфаркт? В сорок лет?» – мелькнула последняя здравая мысль.

Алексей сполз со стула. Паркетный пол оказался холодным. Огни города за окном медленно гасли, уступая место абсолютной, звенящей черноте. Не было страха. Было лишь странное, навязчивое сожаление. Не о незавершенных делах, не о несбывшихся планах.

О тех миллионах, которые пошли на убой.

О городах, превращенных в пепел.

О возможности, которая никогда не представится.

«Если бы я был там...»

Чернота сгустилась. Время остановилось.

А потом – боль.

Не та, тихая и угасающая, что осталась в Москве будущего. А резкая, живая, пульсирующая боль в висках. Запах. Не запах озона и пыли современного офиса, а густой, едкий аромат дешевого табака, старой кожи и сырой шерсти.

Алексей попытался открыть глаза. Веки были тяжелыми, словно налитыми свинцом.

Вместо мерцания светодиодов его встретил тусклый свет настольной лампы с зеленым абажуром.

Вместо тишины – гул голосов за дверью и четкий стук каблучков по коридору.

Он попытался пошевелить рукой и наткнулся на холодную поверхность письменного стола. Под пальцами лежала не пластиковая клавиатура, а гладкая папка из темно-синей кожи. На ней, выдавленные золотом, блестели буквы:

Geheime Kommandosache.

Nur für den Dienstgebrauch.

Алексей замер. Его сердце, которое должно было остановиться в 2024 году, бешено колотилось в груди, отбивая ритм чужой эпохи.

Он поднял взгляд на настенный календарь.

Бумага была желтоватой, грубой. Чернила чуть размазаны.

Июнь 1941.

Берлин.

Где-то за окном, в глубине чужого города, прогудела сирена. Но это была не воздушная тревога. Это был гудок завода, работающего на полную мощность.

Алексей – теперь уже не только Алексей – медленно выдохнул. Воздух был тяжелым.

Он посмотрел на свои руки. Они были в рукавах серо-зеленого мундира. На лацкане блестел серебряный значок.

Война еще не началась.

Но она уже была здесь. В этом кабинете. В этой папке. В нем самом.

Он протянул руку к телефону – черному, тяжелому, с диском – и коснулся холодной трубки.

История не любила перемен. Но она не знала, что сегодня в Берлине проснулся человек, который знал её финал наизусть.

– Алло? – раздался в трубке голос на чистом немецком. И он понял, что понимает его.

Алексей сжал трубку так, что побелели костяшки.

– Это гауптман Келлер, – сказал он. Голос звучал чужим, жестким, без тени сомнения. – Я готов доложить.

За окном занимался рассвет. Последний рассвет мирной жизни Европы.

И первый день его войны.

Глава 1. Пробуждение в форме врага

Телефонная трубка легла на рычаги с тяжелым щелчком. Звук оказался слишком громким в наступившей тишине, будто выстрел в пустой комнате.

Алексей – нет, теперь Фридрих – отпустил телефон только тогда, когда пальцы сами разжались. Ладонь была влажной. Он посмотрел на нее, словно видел впервые. Кожа светлая, без мозолей от ручки, но с тонким шрамом на костяшках указательного пальца. Чужая рука.

Он медленно выдохнул, и воздух вышел со свистом. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

– Только без паники, – произнес он вслух.

Голос был низким, с легкой хрипотцой. Немецкий язык слетал с языка естественно, без привычного акцента, без поиска слов. Будто он говорил на нем всю жизнь. Это пугало больше, чем вид чужих рук. Сознание Алексея, историка из Москвы, плавало в океане чужих нейронных связей, как спасательный плот в шторм.

Он оттолкнулся от стола и встал. Ноги затекли, но держали твердо. Высокие сапоги из черной кожи скрипнули по паркету.

Алексей сделал шаг к окну.

Берлин.

Не тот разрушенный Берлин 1945 года, который он видел на тысячах фотографий. Не современный мегаполис с небоскребами. Это был город 1941-го. Уверенный, мощный, мрачный. За стеклом серело небо, над крышами висел слой угольной копоти. Где-то вдалеке маршировали колонны – ритмичный стук сотен ног сливался в гул.

Он отвернулся от окна и посмотрел на себя в зеркало, висевшее над умывальником в углу кабинета.

Из стекла на него смотрел незнакомец.

Мужчина лет тридцати пяти. Светлые волосы, зачесанные назад, холодные серые глаза, тонкие губы. Лицо жесткое, волевое. На левой щеке, у самой челюсти, свежий след от пореза – бритва дрогнула сегодня утром. На воротнике серо-зеленого кителя блестели петли обер-лейтенанта... нет, он же сказал по телефону «гауптман». Алексей потянулся к воротнику. Петлицы были правильные: две звезды. Капитан.

– Гауптман Фридрих Келлер, – прошептал он отражению.

Имя ничего ему не говорило. В его архивах не было дела на такого офицера Абвера. Значит, либо мелкая фигура, либо легенда была создана недавно.

Он вернулся к столу. Нужно было понять, кто он здесь. Не просто имя, а функция.

Ящик стола был заперт, но ключ лежал рядом с телефоном. Алексей повернул его. Механизм щелкнул.

Внутри лежал пистолет Walther PPK, запасная обойма,

портсигар и личное дело.

Он открыл папку.

Фотография совпадала с лицом в зеркале.

Hauptmann Friedrich Keller.

Подразделение: Abwehr I – Разведка (Военная).

Отдел: Восточный фронт. Сектор: СССР.

Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодный ток.

Восточный фронт.

Июнь 1941 года.

Он находился в самом эпицентре машины, готовящейся перемолоть миллионы жизней. И его должность подразумевала доступ к данным о группировках войск, о планах вторжения.

Он закрыл папку. Руки дрожали.

«Я в логове зверя, – подумал он. – И зверь еще не знает, что внутри него сидит вирус».

В дверь постучали.

Резко, требовательно. Три коротких удара.

Алексей замер. Инстинкт историка подсказывал: в Абвере дисциплина железная. Любая заминка, любой странный взгляд могут стать фатальными. Гестапо и СД рыскали во-круг, как акулы, чувствуя кровь. Канарис, глава Абвера, играл в свою игру с оппозицией, но рядовых офицеров это не защищало.

– Я? – откликнулся он, стараясь придать голосу максимум

равнодушия.

Дверь открылась. На пороге стоял молодой лейтенант, адъютант, судя по папке под мышкой.

– Господин капитан, – лейтенант щелкнул каблуками. – Полковник фон Бюлов ждет вас. Через десять минут.

Алексей кивнул, будто так и было запланировано.

– Я буду.

– И еще... – лейтенант замялся, взгляд скользнул по столу, задержался на телефонной трубке. – Из СД звонили. Штурмбаннфюрер Мюллер интересовался вашим отчетом за май.

Вот оно.

Гестапо.

Мюллер. Фамилия, которая в 1941 году уже становилась символом страха.

– Отчет будет готов к вечеру, – отрезал Алексей. – Передайте им.

– Есть, герр гауптман.

Дверь закрылась.

Алексей снова остался один. Но теперь тишина казалась угрожающей.

Десять минут.

У него есть десять минут, чтобы превратиться в Фридриха Келлера. Чтобы вспомнить, если это возможно, хоть что-то из жизни этого человека. Чтобы понять, что отвечать полковнику фон Бюлову.

Он схватил портсигар, открыл. Сигареты были тонкими,

с мундштуком. Он закурил, глубоко затянулся. Дым обжег легкие, но немного успокоил нервы.

В голове всплыли обрывки. Не его воспоминания. Чужие. Запах пороха на полигоне под Дрезденом.

Вкус дешевого вина в Париже, в 40-м.

Лицо женщины. Светлые волосы. Письмо, не отправленное.

Алексей поморщился. Головная боль вернулась. Это было не просто перемещение. Это было вторжение. Тело помнило. Мышцы помнили, как держать пистолет, как отдавать честь, как говорить на этом языке. Но душа... душа была его.

Он посмотрел на часы. Прошло три минуты.

Нужно было идти к Бюлову.

Алексей взял со стола папку с грифом «Geheime Kommandosache». Тяжелая, плотная бумага. Внутри могли быть планы «Барбароссы». А могли быть и пустые бланки. Он не рискнул открывать при открытом окне и возможном наблюдении.

Он поправил ремень портупеи, проверил, как сидит китель. В зеркале отражался офицер Вермахта. Уверенный. Опасный.

Алексей сделал шаг к двери.

Его ждал коридор Абвера. Коридор, по которому ходили шпионы, предатели и будущие жертвы Нюрнберга.

– Ну что же, Фридрих, – пробормотал он, берясь за ручку двери. – Посмотрим, кто кого переиграет.

Он вышел в коридор.

Стук его каблуков слился с ритмом чужого времени.

Война еще не началась официально. Но для него она уже шла. И первый бой предстояло выиграть в кабинете полковника, где любой неверный ответ мог стать последним.

На стене висел плакат с картой Европы. Большая часть континента была закрашена черным цветом союзников Германии. Только на Востоке зияла белая пустота, которую вскоре должны были заполнить стрелы наступления.

Алексей прошел мимо часового, отдал честь. Солдат ответил, щелкнув каблуками.

Никто не подозревал.

Никто не знал, что внутри этой идеальной немецкой машины только что произошла поломка.

Он подошел к двери с табличкой Oberst von Bülow.

Глубоко вдохнул.

И постучал.

Глава 2. Документы на имя гауптмана

– Здесь!

Голос из-за двери был сухим, как удар хлыста. Алексей нажал на ручку и вошел.

Кабинет полковника фон Бюлова оказался просторнее и мрачнее, чем его собственный. Тяжелые дубовые панели, поглощающие свет, гигантская карта Европы во всю стену, завершенная красными и синими флажками. Воздух здесь был густым от табачного дыма – кто-то курил сигары, дорогие и крепкие.

За массивным столом сидел человек лет пятидесяти. Седые виски, монокль в правом глазу, безупречный мундир без единой складки. Полковник не поднял головы, когда Алексей вошел. Он продолжил изучать бумаги, водя пальцем в белой перчатке по строкам.

– Закройте дверь, Келлер, – сказал он, не отрываясь от документов. – И доложите, почему вы задержались на три минуты.

Алексей щелкнул каблуками. Инстинкт тела сработал быстрее мысли: спина выпрямилась, подбородок приподнялся.

– Приносил извинения, герр полковник. Техническая

неисправность связи. Линия была занята отделом шифрования.

Бюлов наконец поднял взгляд. Серые глаза за стеклом монокля буравили Алексея насквозь.

– Линия шифрования занята? В десять утра? Странно. Обычно они заканчивают работу с ночными депешами к восьми.

В комнате повисла тишина. Алексей почувствовал, как холодный пот пополз по спине под кителем. Это была проверка. Случайная или намеренная – не имело значения. Ошибка в деталях жизни Абвера могла стоить головы.

Но тут в памяти всплыло обрывочное изображение. Утро. Телефонный звонок. Голос техника: «Линия перегружена, герр гауптман, ждите».

Келлер знал это. Тело помнило раздражение от ожидания.

– Именно поэтому я решил не ждать, герр полковник, – спокойно ответил Алексей, используя холодную уверенность, которая вдруг пришла из глубины чужого сознания. – Я предпочел явиться лично, чтобы не срывать график передачи данных в ОКВ. Время сейчас дороже связи.

Бюлов медленно снял монокль. Протер стекло платком.

– Дипломатично, Фридрих. Очень дипломатично. Но помните, что в нашем деле правда важнее вежливости.

Он отложил ручку и кивнул на стул перед столом.

– Садитесь.

Алексей сел, стараясь не скрипнуть сапогами.

– У нас проблемы, – начал Бюлов, понизив голос. – СД снова проявляет нездоровый интерес к нашему отделу. Вчера они запрашивали списки агентурной сети на западном участке границы. Сегодня – вас.

Алексей сохранял каменное лицо.

– Штурмбаннфюрер Мюллер звонил мне полчаса назад. Я сообщил ему, что отчет будет готов к вечеру.

Бюлов усмехнулся. Усмешка была неприятной, хищной.

– Вы сообщили ему это? Без моего ведома?

– Чтобы выиграть время, герр полковник. Если бы я сказал, что мне нужно согласование, они прислали бы курьера прямо сейчас. Так у нас есть несколько часов.

Полковник внимательно изучал его лицо. Казалось, он взвешивает: предательство ли это или проявление инициативы.

– Несколько часов... – протянул он. – Да. Это верно. Канарис не любит, когда собаки СД кусают его за пятки. Но будьте осторожны, Келлер. Мюллер не тот человек, которому можно говорить многообещающие отчеты. Он ждет крови.

Бюлов открыл ящик стола и достал толстую папку, перевязанную красной тесьмой. Он положил ее на край стола, но руку не убрал.

– Это материалы по операции «Грань». Разведка приграничных укрепленных районов. Ваши люди должны были передать данные три дня назад. Тишина.

Алексей кивнул. В памяти Келлера всплыли позывные: «Артур», «Берта», «Цезарь». Агенты в Польше и Литве.

– «Артур» молчит, – сказал Алексей, рискуя. – Радиомолчание нарушать нельзя. Эфир забит помехами. Я планировал отправить курьера.

Бюлов медленно убрал руку с папки.

– Курьера? Через границу за неделю до начала музыки? Вы сошли с ума?

– Нет, герр полковник. Через дипломатическую почту в Каунасе. У нас есть канал.

Бюлов замер. Он не знал о канале в Каунасе. Это была импровизация Алексея, основанная на общих знаниях о структуре Абвера. Но он сказал это так уверенно, будто это был план самого Келлера.

Полковник помолчал, затем медленно кивнул.

– Каунас... Хитро. Хорошо. Если вы сможете вытащить данные оттуда без шума, я покрою вас перед адмиралом. Но если это ловушка...

– Это не ловушка, – отрезал Алексей. Он почувствовал странный азарт. Страх отступал, уступая место холодному расчету. Он играл роль, и роль принимала его. – Это война. А на войне рискуют.

Бюлов смотрел на него несколько секунд, затем резко придвинул папку.

– Возьмите. Здесь все данные по группировкам войск в вашем секторе. Сверьте их с тем, что придет из Каунаса. Ес-

ли будут расхождения – лично доложите мне. Никому больше. Понятно?

– Так точно.

Алексей протянул руку. Тяжелая папка легла на ладонь. Через картон он чувствовал толщину бумаг. Секреты рейха. Планы вторжения. Расположение дивизий. Все, что нужно Москве, чтобы не потерять армию в первые недели.

– Распишитесь, – Бюлов протянул журнал учета секретных документов.

Алексей взял перо. Рука не дрогнула. Он вывел четким го-
тическим почерком, который тоже оказался в памяти мышц:
Hauptmann Keller. Дата: 14.6.41.

– Свободны, – сказал Бюлов, уже возвращаясь к своим бумагам. – И Келлер... Если СД придет снова... Пусть ждут. До вечера.

– Есть, герр полковник.

Алексей встал, отдал честь и вышел.

Дверь закрылась, отрезая его от взгляда полковника.

В коридоре было душно. Алексей прижал папку к боку, под мышкой. Она казалась горячей, будто внутри горел огонь.

Он прошел мимо адъютанта, кивнул часовому. Лицо его было непроницаемым, но внутри все кипело.

«У меня есть они. Планы.»

Он зашел в свой кабинет, закрыл дверь на ключ и повернул замок дважды.

Только тогда он позволил себе выдохнуть.

Ноги немного дрожали. Адреналин отливал, оставляя после себя слабость.

Алексей подошел к окну, задернул тяжелые шторы. В комнате стало полутемно.

Он положил папку на стол. Развязал тесьму.

Первый лист.

Штамп: Streng Geheim (Строго секретно).

Заголовки, цифры, кодовые названия дивизий. Группа армий «Север». Группа армий «Центр».

Он провел пальцем по строкам.

Здесь была смерть. Миллионы смертей.

И здесь же был ключ.

Если он передаст это сейчас – через радиста, через курьера, – его схватят через час. СД перекроет все выходы. Мюллер уже ждет ошибки.

Нужно было действовать тоньше. Нужно было стать частью системы, чтобы разрушить ее изнутри.

Алексей открыл портсигар, достал сигарету. Рука снова была твердой.

Он посмотрел на телефон.

Звонить нельзя.

Встречаться нельзя.

Но у него был вечер. И у него был отчет для Мюллера.

Алексей усмехнулся.

– Ты хочешь отчет, штурмбаннфюрер? Ты его получишь.

Он открыл ящик стола, достал чистый бланк и чернильную ручку.

Нужно было написать ложь, которая выглядела бы как правда. Чтобы усыпить бдительность СД. Чтобы выиграть время для настоящей игры.

За окном сирена снова взвыла – конец рабочего дня на заводах. Рабочие шли домой, не зная, что через неделю их сыновья отправятся на убой.

Алексей склонился над бумагой.

Перо заскрипело по бумаге.

Он писал отчет для врага.

Но в каждой строке он уже планировал, как превратить эти слова в оружие против них.

«Докладываю о состоянии агентурной сети...»

Он остановился.

В памяти Келлера всплыло еще одно воспоминание. Не военное. Личное.

Женщина. Анна. Адрес в районе Шарлоттенбург. Встреча сегодня в 20:00.

Алексей нахмурился.

Свидание? В такое время?

Или это явка?

Или ловушка?

Он посмотрел на часы.

18:30.

До встречи полтора часа.

И до конца дня, когда нужно сдать отчет Мюллеру, тоже немного времени.

Алексей убрал папку с секретными данными в сейф, закрыл его, проверил замок.

Затем взял пистолет из ящика и проверил магазин. Патроны были на месте.

Он вставил обойму обратно, щелкнул затвором и положил оружие в кобуру под мышкой.

– Посмотрим, кто ты такая, Анна, – прошептал он.

В этом городе у него не было друзей. Только враги и тени.

И если эта женщина была частью тени Келлера, ему нужно было узнать это раньше, чем она узнает, что внутри ее любовника живет чужая душа.

Алексей погасил лампу.

Кабинет погрузился в сумрак.

Только красный огонек сигареты тлел в темноте, как глаз хищника, затаившегося в засаде.

Он вышел в коридор.

Теперь у него были документы.

Теперь у него была цель.

И теперь охота началась по-настоящему.

Глава 3. Кабинет 304 на Бендлерштрассе

Коридоры Абвера на Бендлерштрассе напоминали лабиринт, созданный не для защиты, а для изоляции. Высокие потолки, окрашенные в бледно-зеленый цвет, давили сверху. Линолеум на полу был истерт до дыр на поворотах – следы тысяч сапог, прошедших здесь за годы войны.

Алексей шел быстро, но не бежал. Бежать – значит показать страх. Он прижимал папку к боку, словно это была обычная текущая отчетность, хотя внутри него все сжалось в комок.

Каждый встречный офицер казался угрозой. Вот мимо прошел связист с пачкой телеграмм. Вот двое юристов в форме обсуждали что-то шепотом, замолчав, когда он приблизился. Вот женщина-машинистка, несущая поднос с кофе. Она посмотрела на него глазами цвета выцветшей стали и опустила взгляд.

«Сколько среди них шпионов СД?» – пронеслось в голове.

Канарис создал здесь уникальную атмосферу. Абвер был государством в государстве. Военная разведка часто конфликтовала с РСХА (Главным управлением имперской безопасности). Гейдрих и Мюллер мечтали прибрать Абвер к рукам, считая его рассадником пораженцев и предателей. И,

как ни иронично, они были частично правы. Внутри этих стен зрел заговор против Гитлера.

Алексей остановился перед дверью с номером 304.

Медная табличка тускло блестела: Hauptmann Keller. Referat Ost.

Он достал ключ. Рука была сухой. Адреналин сделал свое дело – страх ушел, уступив место холодной концентрации.

Щелчок замка.

Он вошел и сразу же закрыл дверь на внутренний засов.

Кабинет 304 был его крепостью. Здесь пахло старой бумагой, воском для мебели и тем самым дешевым табаком, который курил Келлер.

Алексей подошел к сейфу, встроенному в стену за шкафом с папками. Он ввел комбинацию – пальцы сами набрали цифры: 1-9-3-8. Год начала войны в Польше.

Дверца сейфа бесшумно открылась.

Внутри лежали личные вещи Келлера: бутылка шнапса, несколько пачек сигарет, запасные ключи и кобура с запасным магазином.

Алексей положил папку от Бюлова на дно сейфа, поверх каких-то старых финансовых отчетов. Он задвинул ее в самый угол.

«Пусть лежит здесь. Выводить документы из здания сейчас – самоубийство. На выходе могут быть случайные проверки, особенно после звонка Мюллера.»

Он закрыл сейф, проверил замок.

Затем подошел к окну.

Бендлерштрассе была спокойной. Вечерний Берлин жил своей жизнью. Трамваи звенели на перекрестках, люди спешили домой. Никто не знал, что в этом сером здании решается судьба миллионов.

Алексей оперся лбом о холодное стекло.

– Что же ты такое, Фридрих? – прошептал он.

Воспоминания накатывали волнами, но теперь они были четче.

Келлер не был фанатиком. Он был профессионалом. Циничным, уставшим профессионалом.

Вспышка. Париж, 1940 год. Келлер стоит у Триумфальной арки. Рядом женщина. Анна. Она говорит: «Это не наша война, Фриц. Мы просто мясо для их мясорубки».

Вспышка. Кабинет Канариса. Келлер получает приказ завербовать агента в Москве. Он знает, что агент будет отправлен на смерть. Он выполняет приказ, но ночью пьет в одиночестве.

Келлер сомневался.

Это было хорошо. Это означало, что у Алексея есть союзник внутри головы хозяина тела. Келлер не будет сопротивляться саботажу. Его сознание, его привычки будут помогать, а не мешать.

Но была и другая память.

Темная комната. Голос Мюллера: «Мы знаем о ваших сомнениях, гауптман. Но пока вы полезны.»

Шантаж? Или просто угроза?

Мюллер знал. СД знало о настроениях Келлера. Это делало его положение еще неустойчивее. Они оставляли его на свободе, потому что он был эффективен. Но стоило ему оступиться...

Алексей отошел от окна.

Время шло. 19:15.

Встреча с Анной назначена на 20:00.

Район Шарлоттенбург. Кафе «У старого фрица».

Идти было рискованно. Это могла быть проверка лояльности. Мюллер мог использовать женщину, чтобы вывести его на чистую воду.

Но не прийти – значит вызвать подозрения. Если Келлер всегда встречался с ней по вторникам (а память подсказывала, что это была традиция), то отказ станет красным флажком.

Алексей подошел к зеркалу.

Поправил воротник.

Проверил волосы.

Лицо было жестким. Глаза холодными.

– Ты – гауптман Келлер, – сказал он отражению. – Ты устал. Ты зол на СД. Ты идешь выпить и забыть о войне.

Он взял со стола портсигар и зажигалку.

Затем открыл ящик стола и достал маленькую коробочку. Внутри лежал цианистый калий.

Капсула смерти. Стандартная выдача для офицеров раз-

ведки. «На случай пленения».

Алексей посмотрел на крошечный стеклянный флакон.

– Не сегодня, – сказал он и убрал коробочку в внутренний карман кителя, ближе к сердцу.

Он выключил свет.

Кабинет 304 погрузился в темноту.

Алексей вышел в коридор.

На посту у лестницы стоял новый часовой. Молодой, безусый.

– Господин капитан, – солдат вытянулся. – Вам нужен пропуск на выход после 19:00.

Алексей остановился. Он забыл про вечерний регламент. В условиях военного времени здание опечатывалось.

– У меня встреча с куратором из ОКВ, – соврал он без запинки. – Полковник фон Бюлов в курсе. Хотите позвонить ему и сорвать встречу?

Солдат побледнел.

– Нет, герр гауптман!

– Тогда откройте дверь. И чтобы я не слышал вопросов.

Солдат щелкнул ключами и открыл тяжелую дубовую дверь.

Уличный воздух ударил в лицо. Он пах бензином, пылью и жареным луком.

Алексей спустился по ступеням крыльца.

Берлин встречал его сумерками.

Фонари еще не зажглись – действовало затемнение. Ма-

шины ехали с заклеенными синей бумагой фарами, оставляя на асфальте узкие лучи света.

Алексей поправил ремень портупеи и зашагал к остановке трамвая.

Ему нужно было добраться до Шарлоттенбурга.

По пути он внимательно смотрел по сторонам.

Черный «Опель» притормозил у перекрестка. Двое мужчин в гражданском курили, глядя на проходивших мимо офицеров.

Алексей не изменил походки. Он достал сигарету, закурил.

Когда он поравнялся с машиной, один из мужчин медленно провел взглядом по его погонам.

Алексей выпустил дым в сторону машины и отвернулся.

Это была слежка. Или ему казалось?

В Берлине 1941 года паранойя была нормой выживания.

Но если это хвост, то он должен привести их к кафе.

А если там засада?

Алексей свернул в переулок, сокращая путь.

Тени стали гуще.

Он шел к встрече, которая могла стать последней.

Но у него не было выбора.

Ему нужно было знать: Анна – это ключ к прошлому Келлера или петля на шее будущего спасителя?

Трамвай звякнул колокольчиком где-то впереди.

Алексей ускорил шаг.

В кармане кителя лежала капсула с ядом.

В сейфе 304 кабинета лежала смерть миллионов.

А впереди ждала женщина, которая могла знать о нем больше, чем он сам.

Война разведок не знает перемирий.

И первый раунд заканчивался сегодня вечером.

Глава 4. Призрак адмирала Канариса

Улица была слишком тихой для Берлина.

Алексей прошел два квартала, когда понял, что ошибка была совершена еще на выходе из здания.

Не в словах солдату. Не в легенде про ОКВ.

Ошибка была в самом факте движения по маршруту.

Он остановился у витрины закрытого магазина, делая вид, что завязывает шнурок на сапоге. В темном стекле отразился фонарь позади него. И черный «Мерседес», медленно ползущий вдоль бордюра без фар.

Алексей выпрямился.

Бежать было бесполезно. В этом районе каждый второй прохожий мог быть осведомителем.

Машина остановилась рядом. Задняя дверца открылась сама собой.

– Герр гауптман, – голос из темноты салона был спокойным, почти вежливым. – Адмирал ждет вас.

Алексей замер.

Адмирал.

Вильгельм Канарис. Глава Абвера. Человек-загадка. Человек, который, по историческим данным Алексея, вел двойную игру еще масштабнее, чем та, которую планировал ве-

сти он сам. Человек, который закончит жизнь на виселице в Флоссенбюрге.

– Я направлялся на встречу, – сказал Алексей, не садясь в машину. – Срочную.

– Встреча отменяется, – ответил голос. – Приоритет изменился. Прошу.

Это не было предложением.

Алексей оглянулся. На углу стоял человек в пальто и читал газету. Но газета была перевернута вверх ногами.

Слежка.

Если он откажется сесть в машину Абвера на глазах у СД, это будет выглядеть как бунт. Если сядет – он попадает в логово льва.

Он выбрал льва.

Алексей нырнул в салон. Дверь захлопнулась, отрезая шум улицы.

Внутри пахло дорогой сигарой и кожей. Рядом сидел офицер безопасности, но не смотрел на него.

Машина тронулась.

Они не поехали далеко. Всего пару кварталов, обратно к Бендлерштрассе, но к другому въезду. Служебному.

Лифт поднял их на третий этаж.

Коридор здесь был иным. Ковер на полу гасил шаги. Картины на стенах – пейзажи Австрии и Италии. Никаких карт, никаких флагов.

Кабинет в конце коридора ничем не выделялся. Обычная

деревянная дверь.

Охранник постучал особым ритмом. Дождался ответа.

– Войдите.

Алексей вошел один.

Кабинет был уютным, больше похожим на гостиную частного дома, чем на штаб военной разведки империи. Камин, мягкие кресла, книжные шкафы.

За столом сидел человек в форме адмирала.

Вильгельм Канарис.

Он не выглядел грозным. На вид – обычный чиновник средних лет. Усталые глаза, тонкие усы, в руках – сигарета в длинном мундштуке.

Он не поднял головы, когда Алексей вошел. Продолжил читать какую-то книгу в кожаном переплете.

– Закройте дверь, Келлер, – сказал он тихо. Голос был мягким, с едва заметным австрийским акцентом.

Алексей выполнил приказ. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

– Вы хотели меня видеть, герр адмирал?

Канарис наконец отложил книгу. Поднял взгляд.

Его глаза были светлыми, почти прозрачными. В них не было ни злобы, ни приветствия. Только глубокая, неизмеримая усталость.

– Бюлов доложил мне о вашей инициативе с Каунасом, – сказал Канарис, постукивая пеплом в пепельницу. – Дипломатическая почта. Через неделю до начала операции.

Алексей держал лицо неподвижным.

– Это единственный способ получить данные без шума, герр адмирал.

– Шума... – Канарис усмехнулся. – Вы думаете, шума нет? Весь мир слышит шум, который мы готовим. Только мы делаем вид, что глухие.

Он встал и подошел к окну. Спина к Алексею.

– Вы знаете, почему я вызвал вас, Фридрих?

– Предполагаю, что речь идет о безопасности отдела.

Канарис повернулся.

– Нет. Речь идет о вас. СД интересуется вами. Мюллер собирает досье. Они считают, что вы слишком мягки. Что у вас есть... сомнения.

Алексей почувствовал, как мышцы напряглись.

– Служба есть служба, герр адмирал. Я выполняю приказы.

– Приказы, – повторил Канарис, словно пробуя слово на вкус. – А если приказ противоречит совести?

В комнате повисла тишина.

Это была ловушка. Классическая проверка на лояльность. Если Алексей согласится – он признает наличие сомнений (измена). Если откажется слишком резко – он покажется фанатиком, а Канарис не доверял фанатикам.

Исторический Алексей знал: Канарис искал союзников среди офицеров. Но он также знал, что вокруг полно провокаторов.

– Солдат не обсуждает стратегию, – осторожно ответил Алексей. – Но солдат видит цену победы.

Канарис подошел ближе. Вплотную.

Алексей видел морщины вокруг его глаз.

– Цена, – тихо сказал адмирал. – Вы правы. Цена будет высокой. Слишком высокой для Германии.

Он вернулся к столу, открыл ящик и достал папку. Тонкую, без грифов.

– Бюлов стар. Он хороший человек, но он видит войну как шахматную партию. Вы же... вы видите её как бойню.

Канарис положил папку на край стола.

– Это список контактов. В нейтральных странах. Швейцария. Швеция. Турция.

Алексей не шелохнулся.

– Для чего это мне, герр адмирал?

– Для работы, – сказал Канарис. – Иногда нам нужно знать, куда уходит информация. Чтобы контролировать поток. Вы понимаете?

Алексей понял.

Это был тест. И одновременно – приглашение.

Канарис давал ему инструмент для связи с внешним миром. Но если Алексей воспользуется им неправильно – это будет конец. Если не воспользуется – Канарис решит, что он бесполезен.

Или, что хуже, предан идее фюрера настолько, что донесет на самого адмирала.

– Я понимаю, – сказал Алексей. – Контроль важен.
Канарис кивнул.

– Ваша встреча с Анной. Она отменяется сегодня.
Алексей моргнул. Он не говорил ему про Анну.

– Мы знаем о ваших... личных делах, Фридрих. Не делайте ошибок. Женщина может стать слабым звеном. А СД умеет играть на слабостях.

– Она ничего не знает, – сказал Алексей.

– Все знают слишком много, – отрезал Канарис. – Идите. Завтра в 08:00 доложите Бюлову, что канал в Каунасе подтвержден. Но данные передайте через меня. Лично.

Алексей взял папку. Она была легкой.

– Это всё?

– Пока да. Но помните... Призраки прошлого всегда возвращаются. И иногда они носят форму адмирала.

Канарис отвернулся к камину, где тлели угли.

Алексей отступил к двери.

Рука на ручке.

– Хайль... – начал он по инерции.

– Не надо, – тихо сказал Канарис, не оборачиваясь. – В этом кабинете мы просто немцы.

Алексей вышел.

Дверь закрылась.

В коридоре было тихо.

Он сжал папку в руке. Внутри могли быть имена резидентов. Или список тех, кого Канарис считал ненадежными. Или

пустые листы.

Он спустился вниз.

Улица встретила его холодным ветром.

Черного «Мерседеса» не было.

Алексей постоял минуту, приходя в себя.

Встреча с Анной отменена. Канарис знает о ней. Канарис знает о сомнениях Келлера.

Канарис... дает инструменты.

Алексей посмотрел на папку.

Историк в нем кричал: «Это шанс! Канарис – часть сопротивления!»

Разведчик в нем шептал: «Это проверка. Любой шаг в сторону – пуля в затылок.»

Он сунул папку во внутренний карман кителя, рядом с капсулой цианида.

Теперь у него было два яда. Один для себя. Другой... для врага. Или для союзника.

Он еще не знал, какой из них опаснее.

Алексей зашагал прочь от Бендлерштрассе.

В темноте берлинских улиц он чувствовал на себе взгляд.

Не Мюллера.

Канариса.

Призрак адмирала шел рядом, невидимый, но ощутимый, как холодное дуло у спины.

Война разведок только начиналась.

И в этой войне у него теперь было два начальства.

Оба хотели использовать его.

Оба могли его уничтожить.

И ни одному из них нельзя было доверять.

Алексей свернул в подворотню.

Ему нужно было подумать.

Завтра он должен был солгать Бюлову.

Завтра он должен был решить, что делать с папкой Канариса.

А сегодня... сегодня ему нужно было выжить.

Он достал сигарету. Рука не дрожала.

Огонь зажигалки осветил его лицо на мгновение.

В глазах отражался огонь.

Но не тот, что грел.

А тот, что сжигал мосты.

Глава 5. Первый допрос: проверка на вшивость

Ночь опустилась на Берлин окончательно. Затемнение было полным: город погрузился в вязкую темноту, разбавленную лишь редкими лучами машин с заклеенными фарами.

Алексей шел пешком. После встречи с Канарисом садиться в случайную машину не хотелось. Он выбрал маршрут через тихие кварталы Шарлоттенбурга, надеясь потерять возможный хвост в лабиринте переулков.

Но хвост не терялся. Он просто шел рядом.

Алексей чувствовал их присутствие. Тяжелые шаги в десяти метрах сзади. Шуршание плащей. Когда он свернул к своему дому – старому доходному дому с лепниной под крышей – шаги синхронизировались с его собственными.

Он достал ключи, вставил их в замочную скважину парадной двери.

– Герр гауптман, – голос прозвучал прямо за спиной.

Алексей не обернулся. Закончил поворот ключа, толкнул дверь и только тогда медленно повернулся.

Двое мужчин в длинных серых пальто и мягких шляпах. Лица скрыты тенями козырьков.

– Да? – спросил Алексей. Голос был ровным, без дрожи.

– Нам нужно поговорить, – сказал тот, что был слева. –

Штурмбаннфюрер Вебер ждет вас.

– У меня был тяжелый день, – ответил Алексей. – Завтра утром в офисе.

– Нет, – отрезал второй. – Сейчас.

Это не было обсуждением. Один из них шагнул вперед, рука скользнула под полу пальто, намекая на оружие.

Алексей кивнул. Соппротивление сейчас означало бы стрельбу в жилом районе и немедленный арест.

– Где?

– Машина вокруг угла.

Черный «Хорьх» ждал с работающим двигателем. Алексея усадили на заднее сиденье, между двумя сопровождающими. Дверь захлопнулась.

Машина тронулась. Они не поехали на Принц-Альбрехт-штрассе, в главную штаб-квартиру Гестапо. Это было бы слишком демонстративно для офицера Абвера. Они свернули в промышленный район, к складским помещениям у канала.

Здание было без опознавательных знаков. Внутри пахло сыростью и хлоркой.

Его провели в небольшую комнату без окон. Посередине – стол, лампа с зеленым абажуром, два стула.

Штурмбаннфюрер Вебер сидел за столом. Молодой, лет тридцати, с холодными глазами и аккуратным пробором. На столе лежала папка. Та самая, которую Канарис дал Алексею полчаса назад.

Алексей замер на пороге.

«Как они успели?»

– Проходите, герр гауптман, – Вебер указал на стул. – Присаживайтесь. Будем знакомиться.

Алексей сел. Папка лежала перед ним. Запечатанная. Значит, они не знали содержимого. Они просто знали факт передачи.

– Я не ожидал такого приема, – сказал Алексей. – Разве Абвер не подотчетен только своему командованию?

– В времена войны все подотчетны Рейху, – парировал Вебер. – А Рейх представляет себя Национал-социалистическая рабочая партия. И органы безопасности.

Он открыл папку. Внутри были пустые листы.

Вебер усмехнулся.

– Пусто. Интересно. Адмирал любит играть в тайны. Но мы любим факты.

Он захлопнул папку и пристально посмотрел на Алексея.

– Почему Канарис вызвал вас лично? Обычно такие вопросы решаются через полковника Бюлова.

– Потому что вопрос касался безопасности канала связи, – спокойно ответил Алексей. – Бюлов слишком осторожен. Адмирал предпочитает прямые контакты.

– Прямые контакты, – повторил Вебер, словно пробуя слова на зуб. – Или прямые каналы утечки?

В комнате повисла тишина. Лампа гудела.

Алексей понимал: это проверка. У них нет доказательств.

Есть только подозрение, усиленное звонком Мюллера и внезапным интересом Канариса. Если он дрогнет – его расстреляют как шпиона. Если проявит агрессию – как мятежника. Нужно найти баланс.

– Штурмбаннфюрер, – сказал Алексей, наклонившись вперед. – Вы знаете, сколько агентов у нас сейчас работает на Востоке? Сотни. Каждый день кто-то попадает. Каждый день кто-то говорит. Если бы я хотел передать что-то врагу, стал бы я делать это через папку, которую мне дают в кабинете адмирала, зная, что за мной следят ваши люди?

Вебер не моргнул.

– Умный человек всегда оставляет запасной ход.

– А глупый – ищет врагов там, где их нет, – отрезал Алексей. – Я выполняю приказ. Канарис сказал мне подготовить канал для дезинформации. Чтобы русские получили данные, которые мы хотим, чтобы они получили. Вы хотите помешать операции «Барбаросса», штурмбаннфюрер?

Вебер слегка дернулся. Упоминание названия операции было рискованным. Оно было сверхсекретным.

– Откуда вы знаете это название? – тихо спросил он.

– Я офицер отдела «Восток», – ответил Алексей, вкладывая в голос сталь. – Если я не знаю названия операции, которую готовлю неделю, то меня нужно расстрелять за некомпетентность. А не за измену.

Вебер молчал минуту. Его пальцы барабанили по столу.

– Вы говорите уверенно, Келлер. Слишком уверенно для

человека, у которого в прошлом есть... пятна.

– У каждого немца есть пятна в прошлом, – сказал Алексей. – Вопрос в том, как мы их искупаем. Кровью врага.

Вебер медленно кивнул.

– Хорошо. Допустим, я верю. Но папка остается у нас.

– Нет, – сказал Алексей. – Это приказ адмирала. Если вы заберете её, ему доложат. И тогда он спросит, почему СД вмешивается в работу Абвера. Вы готовы к этому разговору с Канарисом?

Вебер помрачнел. Соперничество между ведомствами была сильнее страха перед шпионами.

– Вы играете с огнем, гауптман.

– Я просто делаю свою работу, – Алексей встал. – Если у вас нет официальных обвинений, подписанных Гейдрихом, я вынужден уйти. У меня завтра ранний подъем.

Он протянул руку к папке.

Вебер смотрел на него. В глазах читалась борьба. Забрать силой? Или отпустить?

Если он заберет папку силой, начнется межведомственная война, в которой Вебер может потерять должность. Если отпустит – рискует упустить предателя.

Но предатель ли он? Уверенность Келлера выглядела пугающе искренней.

Вебер отодвинул папку.

– Идите. Но помните... Мы видим всё. Даже тени.

Алексей взял папку.

– Я тоже вижу, штурмбаннфюрер. Всего доброго.

Он вышел из комнаты.

Сопровождающие ждали в коридоре. Они проводили его до выхода, но машину не предложили.

Алексей шел обратно пешком.

Только когда он повернул ключ в замке своей квартиры, его ноги подкосились.

Он прислонился к двери, тяжело дыша.

Рукава кителя были мокрыми от пота.

«Пронесло.»

Он прошел в гостиную, не включая свет. Снял китель, бросил на стул.

Достал бутылку шнапса из бара, плеснул в стакан. Выпил залпом.

Жидкость обожгла горло, немного успокоив нервы.

Алексей подошел к окну.

Внизу, на улице, стояла та же черная машина. Они ждали. Они не ушли.

Значит, проверка не закончена. Это был только первый раунд.

Он вернулся к столу, открыл папку Канариса.

При свете лампы он внимательно изучил листы.

Это не были пустые страницы, как показал Вебер.

Это были зашифрованные контакты.

Цюрих. Отель «Швейцерхоф». Контакт: «Ганс».

Стокгольм. Консульство. Контакт: «Викинг».

Анкара. Посольство. Контакт: «Тевтон».

И внизу, мелким почерком Канариса:

«Используйте только в случае крайней необходимости.

Доверия нет никому. Даже мне.»

Алексей провел пальцем по строкам.

Канарис давал ему пути отхода. Или пути для передачи информации.

Но фраза «Даже мне» меняла всё.

Адмирал предупреждал: он тоже играет свою игру. И пешки в этой игре расходны.

Алексей достал зажигалку.

Он мог сжечь эти контакты. Избавиться от улики.

Но это был его единственный шанс связаться с внешним миром без ведома СД.

Через Швейцарию можно было выйти на советскую разведку. «Красная капелла» работала там.

Он убрал папку в тайник за плинтусом.

Затем подошел к зеркалу в прихожей.

Из отражения смотрел уставший человек.

– Проверку прошел, – прошептал Алексей. – Но экзамен еще впереди.

Он разделся и лег на кровать, не раздеваясь полностью, положив пистолет под подушку.

За стеной тикали часы.

Где-то в городе гудели заводы.

Где-то на границе накапливались дивизии.

Алексей закрыл глаза.

В голове крутились цифры из папки Бюлова. Дивизии. Танки. Самолеты.

Он знал, где ударит враг.

Он знал, когда.

Но он был один. В городе врагов. Под наблюдением двух спецслужб.

Завтра ему нужно было пойти к Бюлову и солгать про Кануна.

Завтра ему нужно было решить, какой контакт из списка Канариса использовать.

И завтра ему нужно было не сойти с ума от напряжения.

Он уснул не сразу.

Когда сон наконец пришел, ему снился огонь.

Огонь, который он пытался потушить водой, но вода превращалась в бензин.

И в этом огне стоял человек в форме адмирала и молча указывал пальцем на восток.

Утро 15 июня 1941 года приближалось.

До «Барбароссы» оставалось семь дней.

Семь дней, чтобы изменить историю.

Или стать её жертвой.

Глава 6. Календарь на стене: май 1941-го

Солнце было в глаза сквозь щель в тяжелых шторах.

Алексей открыл глаза и сразу пожалел об этом. Голова гудела, словно внутри нее работал неисправный трансформатор. Вчерашний шнапс дал о себе знать.

Он полежал минуту, слушая тишину квартиры.

Пистолет лежал под подушкой. Холодная сталь согрелась от тепла тела, но все еще напоминала о реальности.

Он не умер. Гестапо отпустило. Канарис предупредил.

Он жив. Пока что.

Алексей сел на кровати, потер лицо ладонями.

Время.

Нужно было знать точное время.

Он повернул голову к стене у изголовья. Там висел отрывной календарь. Крупные цифры, готический шрифт.

Вчерашний лист был сорван. Сегодняшний висел сверху.

15. Juni 1941.

Воскресенье.

Алексей нахмурился.

Воскресенье. В выходные дни в Абвере работали только дежурные и высший состав. Бюлов мог вызвать его даже в воскресенье, если речь шла о «Барбароссе». Но обычный

график подразумевал выходной.

Это давало преимущество. Меньше людей в коридорах. Меньше глаз.

Но и меньше возможностей для легальной передачи информации.

Он встал, подошел к календарю.

Бумага была шершавой. Он сорвал листок с сегодняшней датой. Под ним открылся вчерашний.

14. Juni.

День, когда он попал сюда. День, когда началась его война. Алексей хотел сорвать и его, но рука замерла.

Под июньскими листьями виднелся край предыдущего месяца.

Mai 1941.

Май.

Почему Келлер не сорвал майские страницы? Обычно их убирали сразу.

Алексей отогнул июньские листы назад.

Майская страница была испещрена пометками. Карандашом, мелким, нервным почерком.

«Встреча 12.05».

«Пакет передан».

«Сомнения».

И внизу, крупно, обведено красным карандашом:

«Точка невозврата».

Алексей провел пальцем по надписи.

Келлер знал.

Еще в мае он понимал, что война неизбежна. Что точка невозврата пройдена.

Но что за пакет был передан 12 мая?

Алексей порылся в памяти Келлера.

Вспышка. Сейф. Тот же самый, где сейчас лежала папка Бюлова.

12 мая. Келлер положил туда что-то. Не документ. Что-то маленькое.

Ключ? Флеш-накопитель? Нет, в 1941 году только микропленка или шифр.

Алексей подошел к сейфу.

Открыл его снова.

На дне, под папкой Бюлова, лежал маленький металлический цилиндр. Пенал для микропленки.

Он не заметил его вчера в спешке.

Алексей достал цилиндр. Он был тяжелым.

Внутри была пленка.

Но у него не было проявителя. И времени на проявку тоже не было.

До «Барбароссы» – 7 дней.

До встречи с Бюловым – 3 часа.

Он убрал пенал в карман.

Это было наследство Келлера. Возможно, ключ к тому, почему Канарис выделил его среди других. Возможно, компромат.

Или смертный приговор.

Алексей прошел на кухню.

Нужно было привести себя в порядок.

Холодная вода из крана немного освежила. В зеркале над раковиной отражалось бледное лицо. Глаза запали, но взгляд стал жестче.

— Гауптман Келлер, — сказал он отражению. — Сегодня воскресенье. Ты идешь на работу. Потому что война не знает выходных.

Он оделся.

Тот же серый китель. Отполированные сапоги.

Проверил кобуру. Пистолет на месте.

Проверил внутренний карман. Список контактов Канариса на месте.

Проверил другой карман. Пенал с пленкой из мая.

Теперь нужно было решить главную задачу.

Ложь для Бюлова.

Каунаасский канал.

Алексей сел за стол, достал блокнот.

Нужно было придумать легенду.

«Курьер прибыл. Данные получены. Расхождения выявлены.»

Какие расхождения?

Если он скажет, что русские сосредоточили войска иначе, чем планирует Вермахт, Бюлов может потребовать доказательства.

Если скажет, что данные подтверждены – это ускорит наступление.

Алексей закурил.

Дым заполнил кухню.

– Нужна золотая середина, – пробормотал он.

Он начал писать черновик отчета.

«Агент «Артур» подтвердил группировку в секторе «Б». Однако наблюдается аномальная активность железнодорожных составов в направлении Минска. Возможно, дезинформация.»

Это было безопасно. Это заставляло Бюлова думать. Это давало Алексею время.

И это было правдой. Русские действительно готовили контрудары, но не знали масштаба вторжения.

Он перечитал записку.

Достаточно убедительно для полковника.

Достаточно туманно для СД, если они перехватят черновик.

Алексей убрал записку в портфель.

Взял шляпу.

Подошел к окну.

Черная машина все еще стояла на углу.

Те же двое в пальто, хотя сейчас было тепло.

Они курили, глядя на подъезд.

Алексей задернул штору на сантиметр.

– Вы тоже не любите воскресенья, да?

Он выключил свет в квартире.

Вышел в коридор.

Запер дверь на три оборота.

Спустился по лестнице.

На первом этаже столкнулся с соседкой. Пожилая дама в платке.

– Гутен морген, герр Келлер, – прошептала она, прижимая к груди сумку с продуктами. – Вы сегодня работаете? В такой день?

– Долг службы, фрау Мюллер, – ответил Алексей, слегка кивнув. – Берегите себя.

– Вы тоже, – она посмотрела на него с тревогой. – Говорят, скоро будет жарко.

Алексей замер.

– Кто говорит?

– Радио. Лондон. Мы слушаем тихо, ночью. Они говорят, что Россия не падет так быстро, как Франция.

Алексей улыбнулся. Уголки губ дрогнули.

– Лондон часто ошибается.

– А иногда видит будущее, – ответила старуха и быстро прошла мимо, словно сказав лишнее.

Алексей вышел на улицу.

Воздух был теплым, пахло сиренью и пылью.

Он шел к машине, которая стояла чуть дальше черной «Хорьх» гестапо. Его личный «Опель».

Когда он сел за руль, он краем глаза заметил, что один

из людей в пальто достал блокнот и что-то записал.

«Вышел в 09:15. Направляется в Бендлерштрассе.»

Алексей завел двигатель.

Машина взревела.

Он выехал на дорогу.

В зеркале заднего вида «Хорьх» тронулся следом.

Алексей не стал пытаться оторваться. Это было бы подозрительно.

Он ехал спокойно, соблюдая правила.

Но в голове он прокручивал карту.

Бендлерштрассе.

Потом, возможно, нужно будет заехать в другое место.

Контакт Канариса. Швейцария.

Но как связаться из Берлина, под хвостом?

Он вспомнил календарь.

«Точка невозврата».

Май прошел. Июнь горел.

У него было семь дней.

И один человек в машине сзади, который мог стать либо врагом, либо... инструментом.

Алексей свернул на мост через Шпрее.

Вода внизу была темной, спокойной.

Он представил, как бросает в нее папку с планами.

Но это ничего не изменит. Планы есть в штабах. Планы есть в головах генералов.

Нужно было донести суть. Направления ударов. Силы.

И нужно было выжить.

Он подъехал к воротам Абвера.

Часовой отдал честь.

«Хорьх» остановился на противоположной стороне улицы. Они не могли заехать на территорию без пропуска.

Здесь, внутри, Алексей был в безопасности. От СД.

Но не от Канариса. Не от Бюлова. Не от себя самого.

Он заглушил мотор.

Вышел из машины.

Поправил воротник.

Посмотрел на здание.

Серый монолит, в котором решалась судьба Европы.

Алексей шагнул к подъезду.

В кармане лежал пенал из мая.

В портфеле – ложь для июня.

В голове – план для июля, которого могло не быть.

Он вошел внутрь.

Тень поглощала его фигуру.

Календарь на стене в его кабинете показывал 15 июня.

Но где-то в прошлом, в мае, кто-то уже принял решение за него.

Теперь ему нужно было принять свое.

Алексей поднялся на лифте на третий этаж.

Двери открылись.

Коридор был пуст.

Только телефон в конце коридора начал звонить.

Резко, настойчиво.

Алексей посмотрел на него.

Звонок не прекращался.

Никто не подходил.

Все ждали, кто ответит.

Алексей подошел к телефону.

Снял трубку.

– Алло?

– Герр гауптман, – голос был искажен помехами. – Ваша встреча перенесена. Полковник Бюлов ждет вас через час. В кабинете 205.

– Почему не у него?

– Там... гости. Из партии.

Алексей понял.

СД. Или кто-то из окружения Гиммлера.

Бюлов прятался от них в другом кабинете.

Война внутри войны.

– Принято, – сказал Алексей.

Положил трубку.

У него был час.

Час, чтобы подумать.

Час, чтобы решить, что делать с пленкой из мая.

Час, чтобы понять, кто звонил.

Он повернулся к своему кабинету, номер 304.

Дверь была приоткрыта.

Алексей замер.

Он закрыл её перед уходом вчера. Он помнил щелчок замка.

Кто-то был внутри.

Алексей положил руку на кобуру.

Медленно подошел к двери.

Толкнул её плечом.

Кабинет был пуст.

Но на столе, поверх бумаг, лежал предмет.

Красный цветок. Гвоздика.

И записка: «Май помнит.»

Алексей взял цветок.

Стебель был свежим. Срезанным недавно.

Кто-то заходил сюда, пока он был под арестом у Гестапо.

Кто-то, у кого был ключ.

Канарис?

Бюлов?

Или Анна?

Алексей сжал цветок в ладони.

Шипы впились в кожу.

Боль была реальной.

Предупреждение тоже.

Его ходили. Его знали.

Игра началась не вчера. Она началась в мае.

Он положил гвоздику в вазу на окне.

Сел за стол.

Достал бумагу.

Нужно было писать правду. Единственную правду, которая у него была.

Правду о том, что время истекает.

За окном звонили колокола церкви.

Воскресное утро.

Последнее мирное воскресенье для миллионов.

Алексей взял ручку.

И начал писать.

Глава 7. Тени прошлого

Гвоздика лежала на столе, словно пятно крови на серой бумаге.

Алексей смотрел на неё, не моргая.

«Май помнит».

Фраза пульсировала в голове, синхронно с ударами сердца.

Он медленно разжал ладонь. На коже остались четыре крошечные ранки от шипов. Кровь выступила темными каплями.

Алексей достал носовой платок, вытер руку. Ткань сразу окрасилась в красный.

«Кто-то был здесь. Пока меня допрашивали в гестапо. Пока Канарис держал меня в своем кабинете.»

Ключ от кабинета 304 был только у него, у Бюлова и у уборщицы, которая приходила в шесть утра.

Но уборщица не оставляла записок.

Бюлов не стал бы играть в загадки.

Значит, Канарис? Или кто-то, у кого есть дубликат.

Алексей подошел к двери, выглянул в коридор.

Пусто.

Телефон молчал.

Он закрыл дверь на замок и повернул ключ дважды.

Затем вернулся к столу и взял гвоздику.

Понюхал.

Свежий запах. Цветок был срезан менее часа назад.

Значит, нарушитель был здесь недавно. Возможно, он все еще в здании.

Алексей сел в кресло Келлера.

Закрыв глаза.

– Покажи мне, – прошептал он. – Покажи мне май.

Он перестал сопротивляться потоку чужих воспоминаний. Обычно он держал их на расстоянии, как опасного зверя в клетке. Но сейчас клетку нужно было открыть.

Он сосредоточился на дате. 12 мая.

На запахе цветов.

На чувстве вины.

Вспышка.

Дождь. Кладбище в Далеме. Могила без имени. Женщина в черном. Анна.

Она плачет. Он стоит рядом, мокрый насквозь.

– Ты обещал, Фриц. Ты обещал, что это последний раз.

– Я не мог иначе, Анна. Они угрожают.

– Кто? Канарис? Или те, другие?

– Не важно. Важно, что путь назад отрезан. Точка невозврата.

Он сует ей в руку конверт. Толстый. Внутри микропленка.

– Храни это. Если со мной что-то случится... Отдай тому, кто придет с паролем «Май».

– А если придешь ты?

– Тогда я скажу: «Май помнит».

Алексей резко открыл глаза.

Вдохнул воздух, словно вынырнул из глубины.

Руки дрожали.

Это не было просто воспоминание. Это было признание.

Келлер уже работал на кого-то. Или против кого-то. Еще

в мае.

Он передал пленку Анне.

Но пленка, которую Алексей нашел в сейфе сегодня...

Она была здесь.

Значит, Анна вернула её? Или это дубликат?

Или Келлер солгал Анне, оставив копию себе?

Алексей посмотрел на металлический цилиндр в своей руке.

На дне были царапины.

Он поднес его к свету лампы.

Там, едва заметно, было выгравировано: 12.5.

– Ты играл в опасную игру, Фридрих, – сказал Алексей в пустоту. – И проиграл.

Теперь стало понятно, почему Гестапо интересовалось им. Не просто так. Они знали о встрече в мае. Они знали о могиле.

И кто-то внутри Абвера знал тоже.

Тот, кто оставил цветок.

Это был сигнал. «Я знаю, что ты сделал в мае. Я знаю, что пленка у тебя. Я жду хода.»

Алексей сунул цилиндр в внутренний карман, ближе к телу.

Теперь это было не просто наследство. Это было доказательство.

Если он отдаст его Канарису – адмирал может уничтожить его, чтобы скрыть следы своей игры.

Если отдаст Бюлову – полковник доложит Канарису.

Если оставит себе – рискует быть найденным при обыске.

Оставался один вариант.

Использовать это как разменную монету.

Но с кем?

Часы на стене показали 09:45.

До встречи с Бюловым в кабинете 205 оставалось 15 минут.

Алексей встал.

Нужно было проверить кабинет на жучки.

Он начал методично осматривать помещение.

Телефонная трубка. Разобрал. Внутри чисто.

Ножки стола. Чисто.

Карнизы штор. Чисто.

Плинтусы.

У окна, за батареей, он нашел его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.